

ОБ ОДНОЙ ИНТЕРЕСНОЙ РЕЦЕНЗИИ «СОВРЕМЕННОКА»

Рецензия, о которой пойдёт речь, появилась в двенадцатом номере журнала «Современник» за 1859 год. Она была подписана украинским псевдонимом «Грыцко», за которым скрывалось имя ведущего сотрудника редакции журнала, известного литературного критика и публициста Г. З. Елисеева. Он рецензировал второе издание монографии «Богдан Хмельницкий», известного историка и литератора Н. И. Костомарова. Написанная в 1857 году, она внесла в историческую науку и в сознание читателей новые представления о ходе Освободительной войны 1648-1654 гг. на Украине, её автор, по мнению Н. Г. Чернышевского, очистил историю Хмельниччины от множества ложных домыслов. Другие современники, в частности М. П. Погодин, отметили немало фактических ошибок и субъективных, спорных утверждений. Возникла бурная полемика не только в учёных кругах, но и на страницах крупнейших журналов того времени, причём, противоречивые оценки и споры современников касались не только научных достоинств и недостатков монографии, её идейно-содержательного аспекта, историософской концепции автора, но собственно объекта научного изучения – исторической фигуры украинского гетмана и его эпохи. Наша цель – показать особую позицию автора вышеупомянутой рецензии в этой необычной полемике, продемонстрировавшей огромный общественный интерес к одной из самых ярких и драматических страниц украинской истории.

В многоголосом хоре литературно-критических и научных высказываний преобладали безусловно-благожелательные голоса. Тон полемике задавал М. А. Максимович, который, ведя на страницах «Русской беседы» «учёную распрю» с М. П. Погодиным, убеждал оппонента и читателей журнала в том, что, «Московская и Киевская Русь – две стороны одного *Русского мира* надолго разрозненные и даже противостоявшие друг другу, сошлись воедино – усилиями Богдана» [3, 191]. В этом, по его мнению, – главная заслуга гетмана: «постоянное стремление, устремление Хмельницкого к Московской Руси во всё продолжение шестилетней многотрудной борьбы с поляками; его усилиями совершённое отторжение целой Малороссии от Польской короны и присоединение к державе Русской <...> положило счастливое начало великому историческому делу – *воссоединению всей Владимировой Руси*, и поныне ещё не вполне dokonченному: всё это даёт Богдану полное право, чтобы память его была драгоценною и для великороссиянина, и для всей Руси» [3, 191]. Как видим, позиция М. А. Максимовича ничем принципиальным не отличалась от воззрений Н. М. Карамзина, тоже считавшего события эпохи казацких войн естественным процессом собирания русских земель.

Следует отметить, что к 50-м годам XIX века, не только в русской историографии, но и в романтической литературе сложилась традиция

панегирического возвеличения гетмана Хмельницкого, которая во многом восходила к барочно-летописной традиции XVIII века, сформировавшейся на Украине. В произведениях К. Ф. Рылеева и Ф. Н. Глинки, А. С. Пушкина и Е. П. Гребёнки, Н. А. Маркевича и И. И. Срезневского был создан харизматический образ-символ великого гетмана-освободителя, Богом данного своему народу.

Заинтересовавшая нас рецензия примечательна тем, что её автор отметил: Н. И. Костомаров «впервые пошатнул пьедестал, на котором доселе стоял гетман, но не коснулся лаврового венка, уже два века украшающего чело его»[2, 165]. Этот факт «расшатывания пьедестала» отнесён им к числу несомненных заслуг учёного-историка. По мнению критика, большая часть сочинений, написанных на эту тему, проникнуты духом казённых восхвалений, от которых в особенности много пострадала личность Богдана Хмельницкого, одного из главных народных вождей самой блестящей эпохи в истории Малороссии.

Известный учёный-историк, будучи в то же время участником литературного процесса своего времени, сделал в предисловии к своей монографии разграничение между историей для учёных и историей для публики, более того, он стремился сочетать в своём повествовании научные приёмы (использование летописей, архивных документов, дипломатической переписки и мемуаров, записок иностранцев) и приёмы художественные. Н. И. Костомаров снабдил книгу богатым фольклорным и этнографическим материалом, поместил в научном тексте стихотворения современников Хмельниччины. Грыцко (Г. З. Елисеев) говоря об усилиях учёного, направленных на максимально-объективное воссоздание исторических реалий, в данном вопросе солидарен с М. А. Максимовичем, который счёл эту особенность главным достоинством монографии: «Такая форма сочинения дала возможность автору придать истории всю занимательность романа и через то провести в массу читателей богатство сведений о столь любопытной и важной эпохе в русской жизни, каково девятилетнее гетманство Богданово» [3, 192].

Отметив, таким образом, не только научное, но и эстетическое значение книги Н. И. Костомарова, критик «Современника», всё же, предложил своим читателям глубже вникнуть в суть тех трагических исторических событий, которые ярко запечатлелись в народных песнях и преданиях. Воспользовавшись своим правом не только подвергнуть критическому разбору рецензируемое сочинение, но и высказать собственные взгляды на украинскую историю, он даёт потрясающе ёмкую характеристику эпохи Хмельницкого, пытаясь донести до читателей её внутренний пафос, заново расставить социальные, общественные акценты. «Народ уразумел в эту эпоху самого себя, сознал свои силы, и, направляя их с пылом юноши против врагов своей веры и свободы, открыл в себе ту несокрушимую мощь духа, которая делает великими и людей и народы, которая не боится ни препятствий, ни неудач, ни жертв при достижении цели, однажды навсегда предпринятой, – которая не знает

усталости, идёт на смерть как на праздник» [2, 163]. По мнению автора рецензии «мы имеем слишком тёмное, слишком недостаточное понятие о том величии духа, которое высказал народ в борьбе за свою свободу, о тех жертвах, которые перенёс он» [2, 161]. Именно поэтому все историки и литераторы, пишущие о Богдане Хмельницком, смотрят на него как на великого героя и политика, а всё, что представляется несостоятельным в его действиях – нерешительность и непоследовательность, неспособность должным образом воспользоваться плодами ряда блистательных побед, бесплодные переговоры и т.д. – пытаются объяснить «необходимостью обстоятельств» или «политическими расчетами». «Он (Костомаров – Т.М.), – читаем в рецензии, – не осветил для нас личности гетмана настолько, насколько это было нужно для того, чтобы можно было уразуметь планы и намерения гетмана, если только они в нём были...» [2, 165].

Грыцко (Г. З. Елисеев) полагает, что «личность Хмельницкого явилась бы нам несколько в другом свете, если бы прошла перед нами в ряду бывших до него предводителей народа, менее его счастливых, но глубже его любивших своё отечество, а иногда, быть может, далеко лучше его понимавших потребности и дух своего народа» [2, 163]. Далее критик называет имена тех, без кого невозможно составить полную картину трагических событий борьбы украинцев за свободу и веру. Это Наливайко, Павлюк, Сагайдачный, для которых «всё счастье, вся слава состояли в том, чтобы жить для интересов народа или умереть в борьбе за него». «Не таков был Богдан. Он любил своё отечество; этой любви не могли истребить в нём ни милости короля, ни ласки панов, ни даже иезуитское воспитание. Но он любил его (народ – Т. М.) тою благоразумною любовью, которая слишком далека от самоотвержения. Он был готов служить интересам народным, но так, чтобы это не вредило его собственным интересам. Этих собственных интересов Хмельницкий не забывал никогда – ни среди своих воинственных подвигов, ни среди дум правительственных, ни в самом разгаре войны, которую он вёл» [2, 168].

Ведущий критик «Современника» вновь поставил перед читающей публикой вопросы, на которые так и не ответил авторитетный историк в своём объёмном труде. «Комедия, мистификация или действительная война совершалась по воле гетмана Хмельницкого? Куда этот новый Моисей, как называли его панегиристы, повёл народ свой? И для чего он вёл его такими страшными распутиями?» [2, 165]. Над подобными вопросами, поставленными столь прямолинейно и жёстко, русские читатели ещё не размышляли.

Впервые актуализированные предельно остро и чётко, они так и остались нерешённым в тогдашних условиях резкого общественно-политического размежевания русской общественности, в том числе и в сфере вопросов «украинских». Вместе с тем, далёкие от апологии гетмана высказывания и оценки, изложенные в рецензии на монографию Н. И. Костомарова, в значительной мере усложнили, сделали неоднозначными, далёкими от схематических шаблонов, существовавшие подходы к оценке личности Богдана

Хмельницкого и его деяний. В это же время в полемику, вызванную монографией Н. И. Костомарова, включился А. И. Герцен циклом статей «Россия и Польша». Его мнение тоже не просто кардинально противоположно общепринятым взглядам на борьбу Хмельницкого, но для того времени – звучит еретически: «Хмельницкий не из любви к Москве, а из нелюбви к Польше отдался царю. Москва или, лучше, Петербург обманули Украину и заставили её ненавидеть москалей» [1, 21].

Высказанные в указанных литературно-критических выступлениях соображения не смогли разрушить ставшие к тому времени традиционными мировоззренческие представления о знаменитом герое украинской истории, те «горизонты ожидания», которые сложились в русской научной и художественной картине мира на протяжении первых четырёх десятилетий XIX века. Таковыми эти представления будут оставаться и далее. И всё же, звучащие в явном меньшинстве и явным диссонансом на общем фоне голоса литературных критиков показательны и побуждают к определённым выводам.

Каждая культурно-историческая эпоха, в множественных обращениях своих интеллектуалов к осмыслению определённого исторического периода и его героев, рождает некий «смысловый концентрат», вырабатывает определённую модель, картину мира эпохи, проецируя её сквозь призму современных ей общественных, научных и эстетических реалий. Основу такой картины мира составляют устойчивые стереотипы, идейные и образные константы, однако приведенный нами пример свидетельствует о том, что любой модели мира свойственна диалогичность, способность к подвижности и развитию, она не всегда становится всеобщей и всегда незавершённая. Как правило, она самоорганизуется, т.е. усложняется в ходе эволюции, упорядочиваются, а иногда существенно корректируются общеизвестные представления. Примером такой очень смелой для своего времени коррекции общеизвестных подходов к историческому прошлому стала проанализированная нами рецензия «Современника».

Литература:

1. Герцен А. И. Россия и Польша / Собрание сочинений : в 30 т. / Герцен А. И. – М. : Гослитиздат, 1958.
т. 14. – С. 21.
2. Грыцко. Богдан Хмельницкий. Сочинение Николая Костомарова. Изд. 2-е., дополненное. СПб., 1859/ Грыцко // Современник. – 1859. – № 12. – С. 161-214.
3. Максимович М. А. Письма о Богдане Хмельницком // Вибрані твори / Максимович М. О. – К. : Либідь, 2004. – С. 190-257.

Аннотация

Марченко Т.М. Об одной интересной рецензии «Современника». В статье даётся анализ рецензии, опубликованной в журнале «Современник» под украинским псевдонимом Грыцко. Её автор подверг критическому разбору второе издание монографии Н. И. Костомарова «Богдан Хмельницкий» и обозначил собственную позицию в оценке исторической роли украинского гетмана. Рецензия стала одним из первых диссонансов в панегирической образной модели, сложившейся к 50-м годам XIX века в русской картине мира. Она свидетельствует об эволюции и усложнении подходов русских интеллектуалов к одной из самых ярких эпох в истории Украины.

Ключевые слова: рецензия, картина мира, полемика, исторический образ, историческая эпоха, образная модель.

Анотація

Марченко Т. М. Про одну цікаву рецензію «Современника». В статті представлено аналіз рецензії, яка вийшла друком в журналі «Современник» під українським псевдонімом Грицько. Її автор піддав критичному розбору друге видання монографії М. І. Костомарова «Богдан Хмельницький» і визначив власну позицію в оцінці історичної ролі українського гетьмана. Рецензія стала одним з перших дисонансів в панегіричній образній моделі, яка склалась к 50-м рокам XIX століття в російській картині світу. Вона свідчить про еволюцію й ускладнення підходів до однієї з найяскравіших епох в історії України.

Ключові слова: рецензія, картина світу, полемика, історичний образ, історична епоха, образна модель.

Summary

Marchenko T. M. About one interesting book review of “Sovremennik”. The article presents the analysis of book review, which was published in the magazine of “Sovremennik” under the pseudonym Gritchko. The author analyzed the second edition of monograph “Bogdan Khmelnytskyi” by N. I. Kostomarov and defined his own position in estimation of historical role of Ukrainian hetman. The book review was one of the first dissonances in the panegyric image model, which had been formed in the 50-years of XIX century in Russian picture of world. It indicates evolution and complication of approaches to the brightest epoch in the Ukrainian history.

Key words: book review, picture of world, controversy, historical image, historical epoch, image model.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, профессором Л.Г. Фризманом.